

Ивар ЛЕЙМУС

О ЧЕКАНКЕ МОНЕТ В ДОЛЕСКОМ (ДАЛЕНСКОМ) ЗАМКЕ В 1572 И 1573 ГОДАХ

В 1572 г. польские власти открыли в Долеском замке под Ригой монетный двор. Анализ кладов показывает, что долеские монеты, особенно шиллинги, в годы Ливонской войны находились в обращении наравне с другими монетами Ливонии.

Уже в 18 в. долеские монеты были известны местным краеведам. Впервые о них упоминается в хронике И. Арндта. Причины, побудившие приступить к выпуску долеских монет, а также ход выпуска первым рассматривал известный любитель древностей И. Хр. Бротце. Его работа, хотя и написана в конце 18 в., до сих пор остается самым основательным трудом по данному вопросу. Некоторые дополнительные материалы, освещающие предпосылки чеканки названных монет, опубликованы в книге польского нумизмата И. Загорского в середине 19 в. Позднее исследователи особого внимания долеским монетам не уделяли. Краткая история выпуска монет в Доле изложена в справочнике польских монет М. Гумовского, в перечне балтийских монет Г. Матто и в обзоре монетного дела в Эстонии Э. Тендера, а также в каталоге балтийских монет Д. Федорова и А. Молвыгина. Недавно вышла в свет статья А. Миколайчика о польских и литовских т. н. монетах чрезвычайных обстоятельств, в которой автор, приводя новые данные, рассматривает и проблемы долеской чеканки. Настоящее исследование опирается как на труды вышеназванных авторов¹, так и на архивные материалы Эстонской и Латвийской ССР.²

Чеканка монет в Доле, хотя и носила эпизодический характер, представляет интерес по многим причинам. При знакомстве с письменными источниками выявляются обстоятельства, проливающие дополнительный свет как на политическое и финансовое положение того времени, так и на современные представления о монетном деле и скрытых в нем фискальных возможностях.

Прежде всего обратимся к предыстории открытого вмешательства польских властей в монетное дело Ливонии.³ Известно, что в самом начале Ливонской войны Сигизмунд II Август не спешил вмешиваться в дела Ливонии, хотя магистр ордена Г. Кеттлер и рассчитывал на помощь Польши. Польские войска стали прибывать в Ливонию лишь в конце 1559 г., а основные силы под руководством Г. Ходкевича подошли в июле 1560 г. За провиант иноземные солдаты расплачивались польскими и литовскими монетами, к которым местное население относилось недоверчиво и принимало неохотно. Чтобы ничего не препятствовало

¹ *Arndt, J.* Der Liefländischen Chronik Anderer Theil von Liefland unter seinen Herren Meistern. Halle, 1753, с. 328; *Hupels Neue Nordische Miscellaneen* XI, XII. Riga, 1795, с. 450—459; *Zagórski, I.* Monety dawnej Polski. Warszawa, 1845, с. 122—127; *Gumowski, M.* Monety polskie. Warszawa, 1924, с. 102; *Matto, G.* Numismaatik Baltimail. Narva, 1931, с. 27, 28; *Tender, E.* Müntide ja mõtude areng Eestis. — *Eesti majanduslugu* I. Tartu, 1937, с. 501—542; *Mikołajczyk, A.* Emergency coinage in the late Jagiellonian Poland and Lithuania. *Hamburger Beiträge zur Numismatik*, вып. 30/32, 1976/78. Hamburg, 1985, с. 89—98.

² Центральный Таллинский государственный архив Эстонской ССР (ЦТГА), ф. 230, оп. 1; Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР (ЦГИА ЛатвССР), ф. 673, оп. 1.

³ *Kruus, H.* Vene-Liivi sõda (1558—1561). Tartu, 1924, с. 108, 113.

снабжению и продвижению польских войск, Г. Ходкевич обратился к магистру ордена с требованием установить курс польских и литовских монет по отношению к местным.⁴ Кеттлер пошел на это, о чем официально известил Г. Ходкевича в посланиях от 22 и 25 июля 1560 г.⁵ В скором времени последовали его распоряжения магистрату Риги, ландмаршалу и начальникам воеводств в Кандаве, Кулдиге и Сигулде, обязывавшие принимать польские и литовские монеты наравне с местными.⁶ Впервые курс литовской монеты по отношению к ливонской был установлен мандатом магистра Ливонского ордена от 1 ноября 1559 г.⁷ Один литовский шок (60 грошей) в нем приравнялся к 9 маркам 9 шиллингам в местной монете. Поскольку тем же постановлением ливонская счетная марка была снижена на одну четверть, на один грош приходилось 4,2 шиллинга, что примерно и отвечало соотношению содержания чистого серебра в названных монетах. Этот курс был подтвержден мандатами самого магистра от 19 февраля 1560 г. и рижского архиепископа от 4 марта 1560 г.⁸ После снижения ливонской монетной стопы летом 1560 г.⁹ грош содержал уже в 6,5 раза больше чистого серебра, чем шиллинг. К сожалению, нет сведений о реальной стоимости литовских грошей после отмеченной порчи местной монеты. Хотя на зимнем совещании 1560/1561 гг.¹⁰ местные власти пытались приравнять грош к 5 шиллингам, на самом деле, как мы увидим чуть ниже, литовские монеты в Риге оценивались значительно выше.

На том же совещании впервые встал вопрос о введении в Ливонии единой с Литвой монетной стопы. Как явствует из письма магистра ордена рижскому архиепископу от 16 апреля 1561 г.,¹¹ соответствующее решение было принято. В результате упомянутого совещания в мае 1561 г. был опубликован монетный мандат ландесгерров.¹² Так как купцам торговать в Риге без литовской монеты стало невозможно, в Ливонии было признано необходимым чеканить литовские полугроши. Новые монеты следовало выпускать по 168 штук из весовой марки $5\frac{1}{2}$ -лотового серебра, чем они полностью отвечали бы собственно литовской монете.

Победой сторонников Польши весеннее постановление 1561 г. считать все же нельзя. В основном предусматривалось чеканить привычные ливонские номиналы монет — полумарки, фердинги, шиллинги и пфениги. Что касается чеканки полугрошей, то этот пункт мандата так и остался неосуществленным. Т. н. ружские двойные шиллинги 1563 и 1564 гг., которые Б. Кёне более ста лет назад принял за полугроши¹³, не отвечают предусмотренной стопе по весу (в среднем 1,4 г вместо 1,2 г), а красноватый отлив говорит о довольно низком качестве серебра в монетах¹⁴.

Сигизмунд II Август к вопросам монетного дела относился весьма осторожно. Ни весной, ни летом 1561 г. от польского короля на сей счет не последовало никаких указаний¹⁵. Не желая выдавать своих полити-

⁴ Schirren, C. Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit I—VIII. Reval, 1861—1881, № 632.

⁵ Там же, № 688, 698.

⁶ Там же, № 695, 700, 701.

⁷ Bundesarchiv Koblenz, Revaler Stadtarchiv. B. b. 1, л. 91, 133.

⁸ ЦТГА ЭССР, ф. 230, оп. 1, ед. хр. 1180, л. 88—90; Bienemann, Fr. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558—1562, т. 1—V. Riga, 1865—1876, № 571.

⁹ Bienemann, Fr. Briefe und Urkunden, № 629.

¹⁰ Bundesarchiv B. v. 4, л. 11, 13; 1, л. 142; 3, л. 19; Bienemann, Fr. Briefe und Urkunden, № 693.

¹¹ Schirren, C. Quellen, № 932.

¹² Schirren, C. Quellen, № 733; Bienemann, Fr. Briefe und Urkunden, № 775.

¹³ Koehne, B. Zur Münzgeschichte Livlands II. Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wapenkunde, II. Jahrgang. Berlin, Posen und Bromberg, 1842, с. 164.

¹⁴ Музей истории города Риги и мореходства, VRVM 3833, 3834; Музей истории Латвийской ССР, CVVM 104 191, 105 006.

¹⁵ Bienemann, Fr. Briefe und Urkunden, № 749; Schirren, C. Quellen, № 935, 994.

ческих амбиций относительно Ливонии, он предпочитал действовать через польское крыло самих ливонцев.

В то же время продолжавшаяся в Ливонии силами наемных солдат война требовала от польской короны все больших расходов¹⁶. В те годы в Польско-Литовском государстве в основном действовал только вильнюсский монетный двор, на котором лежала вся тяжесть монетной продукции¹⁷. Между тем чеканка монет с королевскими регалиями на рижском монетном дворе должна была импонировать Сигизмунду II Августу. Ведь это был вопрос престижа, символизация власти короля в завоеванной провинции.

Поэтому во время переговоров о подчинении Ливонии Сигизмунду II Августу осенью 1561 г.¹⁸ представители короля пытались принудить Ригу к переходу на литовскую монету под королевскими регалиями. Рижане, в свою очередь, хотели войти в подчинение не только Литве и лично Сигизмунду II Августу, но и польскому государству. Это определило и их подход к монетным вопросам. Чтобы воспрепятствовать размену местных монет на полугроши, представители города были не прочь перейти на литовскую монетную стопу, но их останавливало требование о чеканке на монетах королевских регалий. Они опасались, что введение похожего с литовским монетного типа оставит впечатление о подчинении Риги только Литве, а не Польше. Поэтому Рига не присоединилась к заключенному 28 ноября пакту о подчинении,¹⁹ как и не признала знаменитой «Привилегии Сигизмунда Августа», данной в тот же день и в принципе повторявшей вышеупомянутые требования короля в отношении монетного дела.²⁰

Не удалось склонить город на свою сторону и литовскому канцлеру Н. Радзивиллу, продолжившему переговоры с Ригой в январе 1562 г.²¹ В его втором гарантийном письме вновь предлагается ввести единообразную монету, которой можно было бы пользоваться как в Литве, так и в Ливонии.²² Поскольку в названном документе было обещано подтвердить все привилегии Риги, город 17 марта 1562 г. временно присягнул на верность польскому королю.²³ Вероятно, в связи с этим рижане 13 июня 1562 г. обратились к Сигизмунду II Августу с просьбой упорядочить монетное дело.²⁴ Однако польский сейм не утвердил обещаний Радзивилла. Таким образом, и на этот раз не удалось добиться договора, удовлетворяющего обе стороны.

26 августа 1566 г. король дал новому наместнику Я. Ходкевичу привилегию на владение Рижским диоцезом, которая запрещала в провинции чеканить монету без дозволения короля либо его администратора, а также своевольно определять курс монет.²⁵ Статья о чеканке в ливонской и литовской провинциях по единой стопе и равноценной монеты

¹⁶ *Tender, E. Müntide ja mõõtude*, с. 519; *Richter, A. von. Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung mit demselben*, ч. II, т. I. Riga, 1858, с. 39; *Mikolajczyk, A. Emergency coinage*, с. 91.

¹⁷ *Tender, E. Müntide ja mõõtude*, с. 519; *Gumowski, M. Monety polskie*, с. 99, 100.

¹⁸ *Bienemann, Fr. Briefe und Urkunden*, № 869; История Латвийской ССР I. Рига, 1952, с. 168, 169.

¹⁹ *Dogiel, M. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae V. Wilnae*, 1759, № 138; *Ziegenhorn, Chr. G. von. Staatsrecht der Herzogtümer Curland und Semgallen. Königsberg*, 1772, приложение 55; История Латвийской ССР I, с. 169.

²⁰ *Dogiel, M. Codex diplomaticus*, № 139; *Ziegenhorn, Chr. G. von. Staatsrecht der Herzogtümer Curland und Semgallen*, приложение 53.

²¹ *Staemmler, K.-D. Preußen und Livland in ihrem Verhältnis zur Krone Polen 1561 bis 1586. Wissenschaftliche Beiträge zur Geschichte und Landeskunde Ost-Mitteleuropas*, № 8. Marburg a. d. Lahn, 1953, с. 20.

²² *Bienemann, Fr. Briefe und Urkunden*, № 897; *Dogiel, M. Codex diplomaticus*, № 141.

²³ *Mettig, C. Geschichte der Stadt Riga*. Riga, 1895, с. 252.

²⁴ *Girgensohn, J. Acten zur Geschichte der Stadt Riga im Jahre 1562. Programm des Stadt-Gymnasiums zu Riga*. Riga, 1877, с. 30.

²⁵ *Dogiel, M. Codex diplomaticus*, № 152.

вновь была выдвинута в актах о присоединении герцогства Задвинского к Великому княжеству Литовскому от 25 и 26 декабря 1566 г.²⁶ Далее вопросы монетного дела обсуждались во время переговоров польских властей с рижанами в 1570 г.²⁷ В инструкции ведшим переговоры комиссарам от 27 июня 1570 г. Сигизмунд II Август оставил за собой все права над городом, которые имели предыдущие правители, в том числе привилегию на чеканку монет. Допуская возможность оставить монетный двор во владении города, Сигизмунд II Август не отступил от своих основных требований: Рига могла чеканить монеты только исполу с королем, с его именем, титулом или портретом.

Но первоначально все указы, привилегии и постановления польского правительства оставались на бумаге. Ведь чеканка монет с портретом или инсигниями иноземного правителя, не говоря уже о принятии его монетной стопы, означала в то время и признание его верховной власти.²⁸

Основание в 1572 г. польскими властями Долеского монетного двора обострило монетный вопрос. Исследователи обычно объясняют этот шаг необходимостью Сигизмунда II Августа выплатить задержанное жалованье пярнускому гарнизону. Это утверждение требует некоторого уточнения.

Небольшой экскурс в историю Пярну.²⁹ С 1562 г. город находился под властью Швеции. Но так как и шведы задолжали за длительное время жалованье своему гарнизону, состоявшему в основном из ливонцев, наемники решили открыть городские ворота служившим в Польше соотечественникам, т. н. гофлейтам. Те захватили в 1565 г. Пярну, который, таким образом, попал под власть Польши. Но только номинально. В действительности же там продолжали хозяйничать ливонские наемники, которые не собирались покидать город и сдавать его полякам до тех пор, пока им не будет полностью выплачено задолженное жалованье. В противном случае они угрожали снова передать Пярну шведам. В переписке того времени представители Польши жалуются: «...ohn welcher Summen abtzalunge Ihre Kön. Matt. die angeregte grentzvestung aus der Kriegsleute henden keines wegес freyen kohnen».³⁰ По данным польских исследователей³¹, на службе у Сигизмунда II Августа в Пярну состояло 400 всадников и 100 пехотинцев, чье месячное жалованье в сумме достигало 4000 талеров. После проверки требований наемников специальной комиссией, назначенной польскими властями, стороны в 1570 г. договорились о выплате суммы в 400 000 злотых. Так как в государственной казне Польши таких денег не оказалось, королевский секретарь В. Юберфельд (Überfeld, Oberfeld, Auerfeld, Iberfeld) обязался сам изыскать средства для этого. Однако и ему не удалось добрать до нужной суммы 82 000 злотых. Чтобы полностью покрыть пярнуский долг, а также компенсировать затраты Юберфельда, король обратился к обычному в подобных случаях средству — к выпуску неполноценной монеты. Сам Юберфельд в своем письме рижскому магистрату от 21 января 1573 г., оправдываясь, замечает, что поскольку «...in solchen fellen oftftmals hohe Potentanten eine Notmuntze zur Zeidt geordnet»,

²⁶ Dogiel, M. Codex diplomaticus. № 154, 155; Ziegenhorn, Chr. G. von. Staatrecht der Herzogtümer Curland und Semgallen, приложение 64.

²⁷ Dogiel, M. Codex diplomaticus. № 168, 170.

²⁸ Bienemann, Fr. Briefe und Urkunden, № 331.

²⁹ Pärnumaa, Maateaduslik, tulunduslik ja ajalooline kirjeldus. Tartu, 1930, с. 724; Balthasar Russow's Chronica der Prouinz Lyfflandt. Riga, 1857, с. 71, 72; Zagórski, I. Monety dawnej Polski, с. 125; Mikolajczyk, A. Emergency coinage, с. 93.

³⁰ «... без оплаты этих сумм Его Королевскому Величеству никак не удастся высвободить пограничную крепость из рук возбужденных наемников». ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 1, ед. хр. 1282, л. 5.

³¹ Zagórski, I. Monety dawnej Polski, с. 125—127; Mikolajczyk, A. Emergency coinage, с. 93.

то польскому королю пришлось «...dis mittel... .. gar ein weinick zugebrauchen»³².

Согласно королевскому указу от 28 сентября 1570 г.,³³ первоначально намеревались учредить монетный двор в Саласпилсском (Кирхгольмском) замке и там пустить в чеканку 20 000 весовых марок (имеется в виду, по-видимому, краковская марка весом около 198 г) чистого серебра. Следуя примеру шведского правительства, Сигизмунд II Август решил чеканить т. н. клиппы — монеты на прямоугольной пластинке. Из одной весовой марки следовало вычеканить десять 10-лотовых монет, по курсу равных четырем рижским счетным маркам, или одному золотому (один злотый в то время был равен 30 польским или 24 литовским грошам). По нашим расчетам, из одной весовой марки получилось бы 64 счетные марки, или 16 злотых, значит, из всего запланированного количества серебра, 320 000 злотых. Королевская доля от ожидаемого дохода, которая планировалась в сумме 86 666 злотых и 20 грошей, предусматривалась для выплаты пярнускому гарнизону. Юберфельду же должны были возместить вложенные им 200 000 злотых, а также затраты на чеканку. Осуществление чеканки Сигизмунд II Август поручил своему секретарю, пярнускому и долескому старосте Юберфельду и некоему Я. Хинча.

По различным причинам, а главным образом, наверно, для ослабления монетной монополии рижан, которые якобы «... bez dozwoleńia naszego takowe Muncze ku pozytkowi swetu munczuia»,³⁴ Сигизмунд II Август 16 июня 1571 г. издал дополнительный указ относительно выпуска мелкой монеты в количестве 6000 краковских весовых марок чистого серебра³⁵.

Номинал	Количество чистого серебра, весовая марка	Проба, лот	Выход из весовой марки, шт.	Отношение к местной монете	Отношение к литовской монете
Шиллинги	1500	1½	200	$\frac{1}{36}$ марки	$\frac{1}{6}$ гроша
Фердинги	1500	5	72	9 шиллингов	1½ гроша
Полумарки	1500	5	36	18 шиллингов	3 гроша
Марки	1500	5	18	36 шиллингов	6 грошей

Согласно данной монетной стопе, из одной весовой марки чистого серебра получалось 59 счетных марок шиллингами и около 58 счетных марок фердингами, полумарками и марками. Таким образом, более мелкой монеты следовало выпустить, по нашим расчетам, на 350 000 марок, или 87 500 злотых, что вместе с 320 000 злотых в клиппах составило бы 407 500 злотых.

27 мая 1572 г. Сигизмунд II Август уведомил эдиктом жителей Ливонии и пребывающих здесь представителей польских властей о своем

³² «... в таких случаях высокие государи временно устанавливали монеты чрезвычайных обстоятельств», «... весьма немного пользоваться этим средством». ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 1, ед. хр. 1282, л. 14.

³³ Zagórski, I. Monety dawnej Polski, с. 125—127; Mikotajczyk, A. Emergency coinage, с. 93.

³⁴ «... без дозволения нашего чеканят такие монеты для своей пользы».

³⁵ Zagórski, I. Monety dawnej Polski, с. 122—124; Mikotajczyk, A. Emergency coinage, с. 94.

решении учредить монетный двор в Саласпилском замке.³⁶ Во главе монетного двора был поставлен Юберфельд, которого королевским эдиктом обязали чеканить клиппы, обязательные во всех сделках. Поскольку Хинча, названный в предыдущих документах, в дальнейшем в связи с чеканкой в источниках не упоминается, у нас нет доказательств его участия в нижеописанных событиях. Несколько дней спустя, 2 июня 1572 г., король назначил высшим начальником чеканки своего заместителя в Ливонии Я. Ходкевича.³⁷ Эдиктом от 21 июля 1572 г.³⁸ Я. Ходкевич известил население Ливонии о всех намеченных к выпуску монетах, благоразумно умолчав об их низкой пробе. Новые монеты должны были принимать в обязательном порядке, в противном случае назначался штраф в размере непринятой суммы.

При учреждении монетного двора в Саласпилсе, возникали, очевидно, какие-то препятствия, что вскоре обусловило решение перевести монетный двор в находящийся неподалеку Долеский замок.³⁹ К сожалению, точное время начала чеканки источники нам не сообщают. Судя по письму участников цесисского ландтага от 27 августа 1572 г.,⁴⁰ приготовления к выпуску монет шли уже полным ходом. Участники ландтага выразили энергичный протест против учреждения нового монетного двора польскими властями, усмотрев в этом грубое нарушение привилегий Риги. Их беспокойство вполне объяснимо. Чеканка в стране иноземных низкопробных денег означала как удар по престижу Риги, так и беспорядок в местной экономике. Несколько дней спустя, 1 сентября 1572 г., в рижскую ратушу пришли выразить свое недовольство старшины цехов и гильдий города.⁴¹ Протест горожан был в первую очередь направлен против низкопробности новых монет, содержание серебра в которых предусматривалось якобы ниже, чем в рижских монетах. Поэтому требовали отложить чеканку монет до следующего сейма. Содержание названного источника позволяет судить, что на данный момент к чеканке еще не приступали. Но уже к концу года долеские шиллинги в Риге использовались весьма широко, что опять вызвало недовольство рижан. 31 декабря 1572 г. (!) в ратуше собрались старшины цехов и гильдий, причем в роли обвиняемого на этот раз оказался рижский магистрат.⁴² А именно — последний обязан был официально известить о выпуске долеских монет и, прежде всего, испросить на это разрешение кастелляна, однако не сделал ни того, ни другого. По этой причине горожане потребовали запрещения долеской монеты. Линию поведения магистрата можно объяснить его, в известной степени, пропольской ориентацией, тогда как большинство рижан предпочитали статус государственного города (рейхштадта).⁴³ Магистрату ничего не оставалось, как уступить повторным требованиям горожан. В январе 1573 г. обращение долеских шиллингов в Риге было прекращено.⁴⁴ Хотя соответствующее постановление не сохранилось, представление о его содержании дает ответ Юберфельда магистрату от 21 января 1573 г., зачитанный в ратуше в тот же день.⁴⁵ Из него вытекает, что Юберфельду ставилось в вину следующее:

³⁶ ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 1, ед. хр. 1282, л. 2.

³⁷ ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 1, ед. хр. 1278, л. 2 об.

³⁸ Там же, л. 3.

³⁹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 1, ед. хр. 1282, л. 6.

⁴⁰ Там же, л. 3 об.

⁴¹ Monumenta Livoniae Antiquae (MLA) IV. Riga, Dorpat und Leipzig, 1835—1844, с. 228, 229.

⁴² Там же, с. 234.

⁴³ Mettig, C. Geschichte der Stadt Riga, с. 252 и след.

⁴⁴ MLA IV, с. 235.

⁴⁵ ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 1, ед. хр. 1282, л. 5—8, MLA IV, с. 235.

- 1) самовольная чеканка монет в Доле,
- 2) качество его шиллингов уступает рижским,
- 3) избыток отчеканенных монет,
- 4) подрыв экономики города,
- 5) повышение курса талера.

Как и следовало ожидать, Юберфельд опроверг все обвинения. Отвечая, он сам перешел в наступление: дескать, и рижане самовольно ухудшили свои шиллинги наполовину, а марки, полумарки и фердинги более чем на 2 лота, и такие монеты они выпускают в течение ряда лет. Именно из-за этого, а не из-за небольшого количества (300—400 весовых марок чистого серебра) отчеканенных в Доле шиллингов происходят неурядицы в торговле города. Стало быть, запрещение долеских монет ничем не обосновано.

По нашим расчетам, из названного Юберфельдом количества серебра можно было отчеканить около 850 000 шиллингов, что составляет около 23 700 счетных марок. Эта сумма равна, например, среднегодовому выпуску Таллинского монетного двора того времени,⁴⁶ что не так уж мало, как пытается в своих возражениях доказать Юберфельд. С другой стороны, это подтверждает достоверность сведений Юберфельда — вряд ли в тех условиях успели за несколько месяцев отчеканить больше монет.

Несмотря на свой протест, Юберфельд был все-таки вынужден прекратить чеканку шиллингов. С датой 1573 долеские шиллинги не известны.⁴⁷ Видимо, решение Риги, как важнейшего центра в Ливонии, имело вес во всех ливонских городах и в ее хинтерланде. Еще 20 ноября 1574 г. рижский магистрат получил запрос относительно долеских монет от пярнуского магистрата, который, судя по содержанию текста письма, также присоединился к запрету.⁴⁸ Следовательно, Юберфельду стало невозможно реализовать свою продукцию и чеканка в Доле утратила смысл. К 1573 г. относятся лишь в небольшом количестве отчеканенные фердинги и еще более редкие полумарки и марки.⁴⁹ Очевидно, теперь, когда шиллинги были запрещены, Юберфельд пытался пустить в обращение монеты несколько лучшей пробы, но столь же безуспешно.

Что касается клипп, то о них не упоминают ни Юберфельд в своем ответе рижскому магистрату, ни другие письменные источники рассматриваемого периода. Правда, в Риге хранится клиппа, весом 14,01 г, которая в рукописи Шмидта отнесена к долеской чеканке.⁵⁰ Но достоверность ее вызывает большие сомнения. Предписанию не соответствуют ни вес этой монеты, который должен был быть 19,8 г (10 клипп из 198-граммовой весовой марки), ни изображение на ней. А именно, здесь воспроизведен польский (?) гербовый орел, тогда как, согласно акту об унии Ливонии с Литвой 1566 г., следовало на местных монетах чеканить только что пожалованный герцогству герб — грифон с поднятым мечом.⁵¹ Изображения на всех остальных видах долеских монет точно соответствуют описанным в названной статье (рисунки). Кроме того, вызывает недоверие и приведенная Шмидтом дата клиппы — 1572 г. На рижском экземпляре монеты, по нашему мнению, довольно четко просматривается год чеканки — 1672. Поэтому кажется, что клиппы, задуманные в качестве основной монеты, не чеканились вообще. В то же

⁴⁶ Bundesarchiv B. b. 1, л. 260.

⁴⁷ Федоров Д. Монеты Прибалтики XIII—XVIII столетий. Определитель монет. Комментарии и дополнения А. Молвыгина. Таллин, 1966, с. 237—239.

⁴⁸ ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 1, ед. хр. 1276, л. 7.

⁴⁹ Федоров Д. Монеты Прибалтики, с. 237—239.

⁵⁰ Музей истории города Риги и мореходства VRVM 7850; Schmith, C. von. Die Münzen der Vorzeit Livlands II. Dorpat, 1853, с. 29, табл. 6, рис. 51. Рукопись хранится в Литературном музее АН ЭССР им. Ф. Крейцвальда.

⁵¹ Dogiel, M. Codex diplomaticus, № 155; Ziegenhorn, Chr. G. von. Staatrecht der Herzogtümer Curland und Semgallen, приложение 64.

время, следует признать, изготавливать их было бы выгоднее, чем мелкую монету. Очевидно, Юберфельд понял, что вряд ли следовало ожидать доверия населения к монетам необычной, четырехугольной формы. Не удалось и магистрам ордена в 1558—1561 гг. принудительно установить повышенный курс для своих, значительно лучших клипп,⁵² а обращение шведских клипп вызывало большое недовольство как населения, так и наемников.⁵³ Проще было добиться успеха, чеканя более привычные для населения монеты.

Дальнейший ход событий, связанных с чеканкой в Доле, остается не совсем ясным.⁵⁴ Можно предположить, что приобретение серебра стало для Юберфельда практически неразрешимой задачей — расплатиться за него он мог бы только в отчеканенной монете, а новые монеты делать было не из чего. Но чеканку нельзя было и прекратить, так как надо было оплатить еще прежние долги. По-видимому, рижский магистрат, войдя в трудное положение Юберфельда, позволил ему на городском монетном дворе отчеканить 30 000 весовых марок чистого серебра и, кроме того, очевидно, дал новый заем для покупки серебра. Так магистрат рассчитывал сразу убить двух зайцев — и держать Юберфельда под своим надзором, и связать его долгами.

Как и следовало ожидать (и на что, очевидно, надеялись рижане), новые долги окончательно сломили Юберфельда. Обанкротившись, он был вынужден осенью 1573 г. передать право чеканки товариществу рижских богачей, состоявшему из его кредиторов. До нас дошло составленное ими официальное извещение от 15 сентября 1573 г. о передаче права чеканки, которое позволяет ближе рассмотреть это капиталистическое по духу явление в монетном деле живущей еще в средневековье Ливонии.

Уже сама передача чеканки монет частным лицам, очевидно, была нововведением польских властей. При этом пример Юберфельда был не единственным в своем роде. Уже в 1569 г. польско-литовский главный вардейн В. Моллер получил от короля право перечеканить в талеры 800 весовых марок чистого серебра.⁵⁵ С его прибытием в Ливонию (очевидно, в связи с событиями в Доле) Я. Ходкевич поднял это количество серебра до 4000 весовых марок. А в 1574 г. уже рижский магистрат позволил королевскому секретарю А. Шпиллю отчеканить на своем монетном дворе 10 000 весовых марок чистого серебра.⁵⁶ Не останавливаясь подробно на указанных примерах, рассмотрим теперь деятельность товарищества, непосредственно связанного с прекращением чеканки монет в Доле.

Из вышеназванного извещения о передаче чеканки⁵⁷ следует, что деятельность Юберфельда финансировали три рижских бюргера. П. Шотлеру он был должен 6000 злотых, бюргермейстеру И. цум Берге — 2100 и Д. Гаугеру — 8000 злотых. По инициативе П. Шотлера, которого Юберфельд уполномочил вести переговоры с другими участниками, было решено собрать необходимую для продолжения чеканки сумму денег. Поскольку у самого П. Шотлера нужных денег под рукой не оказалось, в товарищество вовлекли еще бюргермейстера Х. фон Уленброка. Взнос назначили по 3000 злотых. Первоначальный капитал, всего 9000 злотых, должен был оставаться на монетном дворе до тех пор, пока все 30 000 весовых марок серебра не будут отчеканены в талеры. Доходы от чеканки, которые полностью должны были перейти товариществу, намечали разделить следующим образом:

⁵² Schirren, C. Quellen, № 657, 721.

⁵³ ЦТГА ЭстССР, ф. 230, оп. 1, ед. хр. 141, л. 69, 70, 75—77; ф. 230, оп. 1, ед. хр. 143, л. 183, 184, 235, 236; Bundesarchiv В. В. 1, л. 251.

⁵⁴ ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 1, ед. хр. 1282, л. 11—12 об.

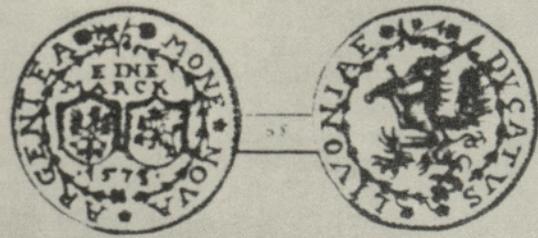
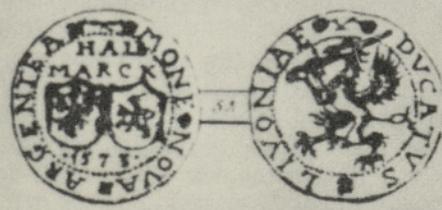
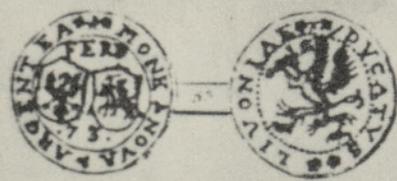
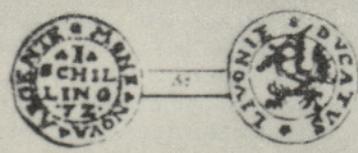
⁵⁵ ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 1, ед. хр. 1278, л. 4; ед. хр. 1282, л. 6 об.

⁵⁶ ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 1, ед. хр. 1282, л. 6.

⁵⁷ Там же, л. 11—12 об.

57

Член товарищества	Долг	Взнос	Доход	Прибыль
П. Шотлер	6000*	—	6000	—
И. цум Берге	2100	3000	7100	2000
Д. Гаугер	8000	3000	7600	—3400
Х. фон Уленброк	—	3000	6000	3000

* Все суммы даны в злотых.

Как следует из таблицы, рассчитывали получить доход от чеканки не менее 26 700 злотых, что составило бы около 8% продукции.

Распределять прибыль собирались отнюдь не поровну.⁵⁸ Явное преимущество имел бюргермейстер Уленброк, чья прибыль достигла бы 100%. На приличный доход мог рассчитывать и бюргермейстер Берге, чья прибыль составила бы 28% затрат. Шотлер, организатор дела, вернул бы только одолженные деньги. И, наконец, Гаугер, уполномоченный делопроизводитель товарищества, вообще остался бы в убытке. Очевидно, Юберфельд должен был с ним расплатиться каким-то иным путем, в документе не указанным. Итак, мы видим, что в распределении прибыли преимуществом пользовались бюргермейстеры, несомненно, благодаря своему высокому общественному положению. В этом проявляется отличие данного товарищества от капиталистических, где прибыли распределяются соответственно величине пая, а не по общественному положению пайщиков.

Сохранившиеся рижские талеры 1573 и 1574 гг. подтверждают, что планы товарищества не остались на бумаге.⁵⁹ В то же время эти монеты слишком редки, чтобы предполагать, будто все 30 000 весовых марок, т. е. около 6 тонн серебра, были перчеканены в талеры. Очевидно, такое количество серебра оказалось не по карману даже городским богачам и отчеканить успели только небольшую часть суммы. Поэтому не исключено, что предложения Юберфельду со стороны Риги с самого начала были задуманы как ловушка, в которую он и попал.

Итак, организованная польскими властями чеканка монет в Ливонии окончилась полным провалом. Вскрывая причины этой аферы, прежде всего придется отметить, что она не имела под собой никакой финансовой основы. Юберфельду не выделили достаточных средств на покупку серебра — казна была пуста. Его уполномочили действовать на свой страх и риск, надеясь, что эмиссия неполноценной монеты вскоре покроет расходы. Для этого мол нужен лишь некоторый первоначальный капитал, который по мере чеканки низкопробной монеты будет расти как снежный ком, обеспечивая закупку новых партий серебра. В действительности же все шло не так гладко. Во-первых, следует отметить, что предполагавшийся первоначальный капитал — 26 000 весовых марок (около 5,4 тонны серебра — на самом деле, «gar ein weinig»⁶⁰) — был для того времени огромной суммой. Вспомним для сравнения, что в 1346 г. датский король продал всю Эстляндию Тевтонскому ордену за 19 000 весовых марок серебра, а в 1559 г. последний сааре-ляэнеский епископ продал свои владения за 30 000 талеров, т. е. за 3750 весовых марок чистого серебра⁶¹. Поставка пяти с лишним тонн серебра в страну, охваченную войной, к тому же при обстоятельствах, когда от государственной казны помощи ждать было нечего, была задачей явно не реальной.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Федоров Д.: Монеты Прибалтики, с. 610, 613.

⁶⁰ «... совсем немного...»

⁶¹ Eesti ajalugu II. Tartu, 1937, с. 136, 488.

Во-вторых, советники короля, устанавливая новую монетную стопу, были, очевидно, плохо информированы о состоянии монетного дела в Риге. Они могли, вероятно, опираться на указ архиепископа В. фон Бранденбурга от 28 июля 1561 г., согласно которому следовало чеканить 8¹/₂-лотовые фердинги и 2¹/₂-лотовые шиллинги.⁶² Несмотря на то обстоятельство, что стопа долеских монет определялась будто бы по примеру рижских («... z tegoz miastha Ryskiego granum u wagi przyklad biogacz»⁶³), на самом деле они должны были быть намного хуже (примерно на 40%) местных монет. Но, если верить Юберфельду (а магистрат и не пытался опровергнуть его обвинения), тогдашние рижские фердинги были лучше долеских всего лишь на 17—23%, а шиллинги могли быть и хуже.⁶⁴ Данные Юберфельда подтверждает сравнительный анализ содержания серебра в названных монетах: разница в пробах рижских и долеских фердингов составила 18%, тогда как шиллинги оказались примерно равноценными.⁶⁵ В те годы на монетное дело в Риге оказывали воздействие различные факторы. Во втором по значению городе Ливонии, Таллине, в 1564 г. началась чеканка низкопробных шиллингов, а в следующем году и фердингов.⁶⁶ Год от года все больше портил монету монетный мастер герцога Магнуса.⁶⁷ Влияние иноземных низкопробных монет усугублялось обстановкой военного времени. Потому и в Риге в 1565 г. решили снизить пробу фердинга до 7 лотов.⁶⁸ Таковой она официально была еще в 1572 г.⁶⁹ В те годы, вероятно, портили и другие виды монет, прежде всего шиллинги. Ухудшение мелкой монеты вскоре повлекло за собой подорожание серебра. Если курс талера в 1568 г. был еще 4¹/₂ марки, то к 1572 г. он местами поднялся уже до 5¹/₂ марок.⁷⁰ Поэтому чеканка фердингов и по новой монетной стопе стала невозможной. Чтобы компенсировать недостаток в мелкой монете, в 1571 г. и без того плохие шиллинги стали перчеканивать на еще худшие пфенниги.⁷¹ Таким образом, реализация планов Сигизмунда II Августа в Доле совпала по времени с кризисом монетного дела в Риге. Несмотря на то, что долеские монеты были на 35% хуже собственно польских и литовских⁷², их принудительный курс в отношении местной монеты был ничтожным. Поэтому от ожидаемой прибыли при обмене долеских монет на рижские фердинги и шиллинги Юберфельду пришлось отказаться.

В-третьих, значительно выше ожидаемых оказались всевозможные расходы на изготовление монет. Сохранилась составленная Юберфельдом (?) калькуляция предполагаемых расходов,⁷³ по которой планировались затраты в 125 750 злотых, что, по нашему мнению, сильно приуменьшено. Здесь издержки на чеканку клипп из 20 000 весовых марок серебра принимаются в 110 000 злотых, а на каждый вид разменной монеты (исключая шиллинги) из 1500 весовых марок — по 5250 злотых. Если предположить, что имелась в виду только стоимость серебра, ценой весовой марки в первом случае получим 5¹/₂ злотых, во втором — только

⁶² *Bienemann, Fr. Briefe und Urkunden*, № 814; MLA V, с. 635.

⁶³ *Zagórski, I. Monety dawnej Polski*, с. 122.

⁶⁴ ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 1, ед. хр. 1282, л. 5 об.

⁶⁵ Анализ проведен У. Хёдрейрв на кафедре неорганической химии ТПИ.

⁶⁶ *Bunge, F. G. von. Die Quellen des Revaler Stadtrechts II. Dorpat, 1847, № 74; Hansen, G. von. Briefe Erichs XIV. aus dem Revalschen Rathsarchiv. — Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands III. Reval, 1884, с. 154; ЦТГА ЭстССР, ф. 230, оп. 1, ед. хр. 1263, л. 139 об., 140, 150; Bundesarchiv B. b. 3, л. 26 и след.*

⁶⁷ ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 1, ед. хр. 1276, л. 5.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ MLA IV, с. 238 и след.

⁷⁰ Bundesarchiv B. b. 1, л. 207; *Ceumeren, C. von. Theatridium Livonicum... Riga, 1690, с. 144; MLA IV, с. 234.*

⁷¹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 1, ед. хр. 1280, л. 15.

⁷² *Mikolajczyk, A. Emergency coinage*, с. 94.

⁷³ ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 1, ед. хр. 1282, л. 14.

3½ злотых (соответственно 22 и 14 рижских счетных марок). В то же время талер в Польше стоил 34—35 грошей⁷⁴, значит, краковская весовая марка чистого серебра — 8,6—8,8 злотых. Еще выше была цена на серебро в Риге, где талер местами равнялся примерно 5½ счетным маркам, краковская марка соответственно — 42 маркам, или около 10,5 злотых. Нам кажется, что составитель калькуляции в своих расчетах путает понятия «Mark fein», что означает чистый, без примесей металл, и «Mark lötig», под которым в то время подразумевали сплав с предусмотренной уставом пробой.⁷⁵ Действительно, считая 5½ злотых ценой 10-лотового серебра, а 3½ злотых ценой 5-лотового, получим цену весовой марки чистого серебра — 8,8 и 11,2 злотых соответственно. Первая из них точно отвечает 35-грошовому курсу талера в Польше, тогда как вторая очень близка его 5½-марковому курсу в Риге. Небольшая разница во втором случае совсем стирается, если предположить, что составитель принял за основу не 198-граммовую краковскую, а 208-граммовую ливонскую марку. Не исключено, что серебро для чеканки клипп было обещано Юберфельду из Польши, а для мелкой монеты его пришлось доставать уже в Ливонии.⁷⁶

Итак, если доля расходов в вышеназванной смете, вместе с нашими предположительными расчетами относительно шиллингов, возрастает до 127 300 злотых, в действительности они должны были быть почти вдвое выше — около 242 000 злотых. Следовательно, даже не считая затрат на чеканку, для пярнского гарнизона и Юберфельда оставалось бы около 165 000 злотых, т. е. всего 58% нужной суммы. Таким образом, кроме объективных причин, провал Юберфельда был обусловлен также финансовой некомпетентностью участников чеканки.

Наконец, препятствием для чеканки в Доле, хотя бы запланированной суммы, оказался запрет рижан на обращение монеты. Сам факт запрета и его действенность ярко показывают довольно твердую позицию города по отношению к польским властям, что отчасти объясняется, вероятно, также междувластием в Польше после смерти Сигизмунда II Августа 7 июля 1572 г.

В заключение можно сказать, что у польских властей на монетную чеканку в Доле имелись серьезные причины. Военные расходы оказались слишком большими, а из рук ускользал Пярну — один из важнейших городов в ливонских владениях Польши (при продолжавшемся статусе вольного города Риги). Порча монеты на захваченной территории в целях содержания там армии — явление не исключительное. Интересно отметить, что в то же самое время, в 1572 г., и у шведского короля Юхана III с его братом герцогом Карлом созрел план учреждения своего монетного двора в Ливонии⁷⁷. Этот план остался на бумаге, но вскоре подобную идею провел в жизнь Густав Адольф. Во время похода в Россию он чеканил в захваченном Новгороде в 1611—1617 гг. низкопробные русские копейки.⁷⁸ Из вышесказанного следует, что монархи относились к монетной регалии как к средству извлечения доходов и даже порой не останавливались перед выпуском т. н. фальшивой монеты.

⁷⁴ *Szwagrzyk, J. A.* Pieniądz na ziemiach polskich X—XX w. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1973, с. 124.

⁷⁵ По данным многих ливонских монетных постановлений 16 в.

⁷⁶ *Zagórski, I.* Monety dawnej Polski, с. 123.

⁷⁷ *Svenska rigsdagsakter jämte andra handlingar som höra till Statsförfattningens historia under tidevarvet 1521—1718, II delen 1561—1592.* Stockholm, 1899, № 622, с. 999.

⁷⁸ *Мельникова А. С.* Новые данные о чеканке монет в Новгороде в 1611—1617 гг. — Труды Государственного ордена Ленина исторического музея. Нумизматический сборник, ч. 5, вып. 2. М., 1977, с. 179—193; *Спаский И. Г.* Чеканка копеек шведскими властями в Новгороде в 1611—1617 гг. — Вспомогательные исторические дисциплины 4. Л., 1972, с. 160—173.

Однако в более широком контексте, как часть польской политики в Ливонии, чеканка в Доле приобретает и иное значение. Не скрывался ли за этим план Сигизмунда II Августа нанести удар по экономике Риги? Ведь под предлогом выплаты жалованья войскам он намеревался пустить в обращение 400 000 злотых, т. е. 1 600 000 марок, — огромную по тем временам сумму. Это был бы верный способ подорвать финансовое положение города, а значит, и привести его в повиновение. Иначе зачем же надо было открывать новый монетный двор под самой Ригой?

Но поскольку запланированная к выпуску сумма была нереально велика, а отпущенные под это средства слишком малы, инициатива польских властей с самого начала была обречена на неудачу. Провалу мероприятия способствовали и запрет рижан на обращение низкопробных долеских монет, и неожиданно низкое качество местных монет. На этот раз задача, поставленная перед собой польской администрацией, осталась нерешенной. Пярну оставался в руках ливонских наемников до 1575 г., затем его захватили русские войска.⁷⁹ Рига же вела самостоятельную политику до 1581 г. В этом году Стефану Баторию все же удалось принудить город к подчинению. В его привилегии от 14 января 1581 г. за Ригой оставались монетный двор и право на чеканку с доходами от нее, но по польской монетной стопе и с польско-литовскими инсигниями.⁸⁰

⁷⁹ Pärnumaa, с. 725.

⁸⁰ Dogiel, M. Codex diplomaticus, № 184.

Представил В. Мамяги

Государственный исторический
музей Эстонской ССР

Поступила в редакцию
14/V 1986

Ivar LEIMUS

MÜNTIMISEST DOLE (DAHLENI) LOSSIS AASTAIL 1572—1573

1572. aasta sügisel avasid Poola võimud Riia lähistel Dole lossis oma rahapaja. Selleks olid neil kaalukad põhjused. Liivimaal palgasõduritega peetav sõda nõudis Poola kroonilt suuri väljaminekuid, mille katteks töötas peaaesjalikult vaid Vilniuse müntla. See tõttu püüdis Zygmunt II August saavutada, et ka Liivimaal hakataks vermima Leedu mündialusel. Veel 1561. aasta esimesel poolel tegutses kuningas kohaliku poolasõbraliku partei kaudu, kelle ettepanekul Leedu poolekrossised lülitatigi ordumeistri ja Riia peapiiskopi 1561. aasta kevadise mandaadiga ettenähtud mündisortide hulka. Läbirääkimistel 1561. aasta sügisel esinesid aga Zygmunt II Augusti esindajad juba varjamatu nõudega Riia üleminekuks Leedu mündialusele kuninga insiigniate all. Paraku ei ühinenud Riia alistumispaktiga 28. novembrist 1561. Tulemuseta jäid ka Poola valitsuse diplomaatilised sammud Riia allutamiseks ja seal Leedu mündialuse kehtestamiseks järgneval aastakümnel.

Samal ajal ähvardas Poola võimudel käest libiseda nende Liivimaa valduste tähtsaimaid keskusi Pärnu. Kuigi linn kuulus formaalselt Poolale, võimutsesid seal tegelikult liivimaalastest palgasõdurid, kellele kuningas võlgnes 1570. aastaks juba 400 000 zloti ja kes summa tasumata jätmise korral ähvardasid Pärnu tagasi anda rootslastele.

Võla otsustasid Poola võimud katta kohapeal alaväärtuslikku raha, nn. klippinguid, killinguid, veeringuid, poolemargaseid ja marku vermides. Kuigi rahapaja esialgseks asukohaks määras kuningas Salaspilsi (Kirchholmi) lossi, algas müntimine siiski Doles V. Überfeldi juhtimisel 1572. aasta sügisel. Peagi olid Dole madalaproovilised killingud niivõrd levinud, et vastu tulles linlaste korduvaile nõudmistele keelas Riia raad 1573. aasta jaanuaris nende käibe. Sellega anti Überfeldi ettevõttele tõsine löök: toodangut realiseerida polnud enam võimalik ning müntimine soikus. 1573. aastast pärineb vaid vähesel hulgal veeringuid ning veelgi haruldasemaid poolemargaseid ja marku. Algselt põhimünda kavandatud klippinguid ei loodud tõenäoliselt üldse. Samal ajal ootasid tasumist tehtud võlad. Überfeldi rasket olukorda kasutasid riialased, lubades tal müntimist jätkata linna rahapajas ning pakkudes laenu väärismetalli hankimiseks. Ilmselt murdis uus võlakoorem Überfeldi lõplikult, sügisel 1573 loovutas ta müntimisõiguse oma võlausaldajaist koosnevale Riia rahameeste osauhisusele. Pole välistatud, et linnapoolne pakkumine oli mõeldud lõksuna, kuhu Überfeld sattuski.

V. Überfeldi fiasko põhjusi otsides peab kõigepealt märkima, et müntida planeeritud hõbedakogus (ca 5 tonni) oli tolle aja kohta ebareaalselt suur, selle hankimiseks aga puudusid vahendid. Teiseks osutus eeldatust halvemaks ka kohalik, s. t. Riia münt, mistõttu tuli loobuda selle ümbervahetamisest loodetud vaheltkasust. Kolmandaks osutusid oletatust suuremaks mitmesugused müntimisega seotud väljaminekud. Lõpuks, neljandaks, takistas müntimist Dole müntidele Riias kehtestatud keeld. Võib oletada, et Pärnu väljalunastamise kõrval oli Doles müntimisel teinegi eesmärk: häirida Poolale tõrksa Riia majandust suure hulga alaväärtusliku peenraha käibesse laskmisega. Ent eespool nimetatud põhjustel üritus hääbus ning Poola halduse ees seisnud ülesanne jäi sedapuhku lahendamata. Pärnu jäi mõisameeste kätte 1575. aastani, mil selle vallutasid Vene väed. Riia jätkas iseseisvat poliitikat 1581. aastani, alistudes viimaks Stefan Batoryle.

Eesti NSV Riiklik Ajaloomuuseum

Toimetusse saabunud

14. V 1986

Ivar LEIMUS

DAS MÜNZEN IM SCHLOSS VON DAHLEN 1572—1573

Im Herbst 1572 hat die polnische Regierung im Schloß Dahlen (Dole) bei Riga ihre eigene Münze geöffnet. Dafür hatte sie wichtige Gründe.

Die Kriegsführung in Livland brachte der polnischen Krone beachtenswerte Verluste. Da für deren Ausgleich hauptsächlich nur die Münze in Wilno (Vilnius) tätig war, trachtete Sigismund II. August es für nützlich, auch in Livland den litauischen Münzfuß einzuführen. Noch in der ersten Hälfte 1561 hatte der König mittels der örtlichen, polnisch gesinnten Partei gehandelt und dadurch erzielt, daß die Prägung der litauischen Halbgroschen in die Münzordnung der Landesherren im Frühling 1561 aufgenommen wurde. Während der Subjektionsverhandlungen im Herbst 1561 haben die Bevollmächtigten Sigismunds II. August aber unverhüllt den Übergang Rigas zu den litauischen Münzfuß unter königlichen Insignien beansprucht. Doch hat sich Riga dem Kapitulationsvertrag vom 28. November 1561 nicht angeschlossen. Auch die folgenden diplomatischen Versuche, die Stadt zu unterwerfen und den litauischen Münzfuß einzuführen, blieben erfolglos.

Zu gleicher Zeit begann die aus Livländern bestehende Besatzung der Stadt Pernau (Pärnu), formell zwar im Dienst der Polen, aufrührig zu werden, und drohte, falls ihr das rückständige Gehalt nicht ausgezahlt werde (etwa 400 000 polnische Gulden), die Stadt den Schweden zurückzugeben. Um die Schuld zu tilgen, hat die polnische Regierung beschlossen, die minderwertigen Münzsorten — die sogenannten Klippen, Schillinge, Ferdinge, halbe und ganze Markstücke in Livland herauszugeben. Obwohl das Schloß Kirchholm (Salaspils) anfangs vom König als Münzstätte bestimmt wurde, begann die Ausmünzung im Herbst 1572 unter Leitung V. Überfelds doch im Schloß Dahlen. Bald verbreiteten sich die Schillinge von Dahlen in solch einer Menge, daß der Rigaer Rat gezwungen war, ihren Umlauf in der Stadt zu verbieten. Damit wurde es V. Überfeld unmöglich, seine Produktion zu realisieren, und er mußte seine Tätigkeit beenden. Vom Jahr 1573 stammen nur Ferdinge, halbe und ganze Markstücke in geringerer Anzahl. Die als Hauptnominal geplanten Klippen wurden anscheinend überhaupt nicht geprägt. Zu gleicher Zeit hat V. Überfeld schwere Schulden gemacht. Seine Lage wurde von den Rigaer Bürgern ausgenutzt: Sie gestatteten ihm, seine Tätigkeit in der städtischen Münze fortzusetzen, und boten dazu vermutlich auch ein Darlehn an. Das Resultat war der Bankrott Überfelds — im Herbst 1573 war er gezwungen, sein Prägungsrecht einer Rigaer Gesellschaft einzuräumen. Es ist nicht ausgeschlossen, dieses Angebot als eine Falle für Überfeld zu betrachten.

Als Grund seines Mißerfolgs ist erstens hervorzuheben, daß die notwendige Silbermenge (etwa 5 Tonnen) für die damalige Zeit zu groß war, zumal für die Beschaffung derselben keine Mittel vorhanden waren. Zweitens hat man auch die rigischen Münzen während der Kriegsjahre soviel verschlechtert, daß V. Überfeld auf den erhofften Profit bei der Einwechslung derselben verzichten mußte. Drittens erwiesen sich auch die Prägeunkosten unerwartet hoch. Und viertens wurde der Umlauf der dahlenschen Münzen durch das Verbot vom Rigaer Rat verhindert. Es ist anzunehmen, daß die polnische Regierung mit dem Münzen in Dahlen neben der Auslösung Pernaus noch ein anderes Ziel verfolgte, und zwar, das Wirtschaftsleben der widerspenstigen Stadt mittels der minderwertigen Münzen zu untergraben.

Doch, wie oben bemerkt, war der Versuch der polnischen Regierung damals mißlungen. Pernau gehörte bis 1575 den sog. Hofleuten und wurde danach von den russischen Truppen erobert. Die Stadt Riga setzte noch während eines Jahrzehnts ihre unabhängige Politik fort, bis sie sich 1581 dem polnischen König Stefan Batory unterwarf.

*Staatliches Historisches
Museum der Estnischen SSR*

Eingegangen
am 14. Mai 1986